

— Элина Авраамовна, мы стали свидетелями и участниками довольно грустного процесса: угасания зрительского интереса к театру. Как вы думаете, почему это происходит?

— Думаю, что причин много, и искать их надо в разных плоскостях нашего сумбурного бытия. Но я — актриса и попробую взглянуть на проблему с профессиональной точки зрения. Вот недавно пошла посмотреть спектакль как бы со стороны, из зала. И увидела, что на сцене собралась группа актеров, которые хорошо и с удовольствием разыгрывают сценки из чужой жизни, не задаваясь целью донести до зрителя конкретную, живую мысль, ради которой и стоит делать спектакли. То есть актеры работали приблизительно, неточно, без учета вопросов, на которые должна ответить любая постановка: где, когда, зачем, для чего и почему? И зритель никак не реагировал на происходящее на сцене.

Мое мироощущение делится на черно-белое — жизнь и цветное — театр. И мне кажется, что люди, приходя в кино или театр, хотят видеть то, что я называю цветным изображением, а им с экранов и со сцены демонстрируют черно-белое. Помните, в фильме Тарковского «Андрей Рублев» — ярко, умилительно черно-белом — вдруг возникают цветные кадры? Я, когда посмотрела, по молодости лет изумилась: ну что это он все перемешал? А потом вспомнила свои первые впечатления от рублевских фресок в Софийском соборе — я ведь киевлянка — и поняла: жизнь, безусловно, будничнее того, что можно увидеть глазами художника. Наверное, поэтому интересно жить, когда есть творчество, и очень тоскливо, когда его нет.

— У вас все роли «цветные»?

— Нет, конечно.

— От чего это зависит?

— Пожалуй, от степени совпадения роли и моих возможностей. У меня были очень маленькие роли, которые я обожала, и роли очень интересные, но «цветными» для меня так и не ставшие, и роли, строившиеся почти без драматургии, а получившиеся в результате хорошо. В одном из спектаклей я играла левичку, которая вышла замуж за богатого, знатного человека и ведет двойную жизнь. Я нашла очень точное решение: в высшем свете она ведет себя как леди, а в сценах с бывшим другом с ней происходят разительные перемены. И в светских салонах я услаждала слух партнеров и зрителей бархатным голосом, а встретив тайного своего приятеля — его играл уникальный актер Никита Подгорный, — клала ему руку на плечо и хрипато говорила: «Привет, Карл!». Никита втягивал голову так, что плечи становились выше ушей, и застыл. Зал неизменно разражался хохотом.

Елена Митрофановна Шatroва, встретив меня после премьеры, схватила за руку и своим серебряным голосом воскликнула: «Мастер, мастер...» А мне эта роль далась игрой, не потребовала никаких душевных затрат. Просто произошло то самое счастливое попадание, о котором я говорю. Но это все в прошлом. С 1971 года я начала ощущать давление, причины которого мне неясны до сих пор. Все эти годы я держала форму, надеялась, что еще буду играть не очень старых женщин.

Ждала и жду до сих пор. Но актер не может не работать. Я занялась концертной деятельностью. Сыграла в Театре эстрады семь ролей в спектакле «Случайный вальс» по книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». К счастью для меня, это был удачный опыт.

— Познаться, меня тогда удивило ваше обращение к теме — женщина на войне...

Элина Быстрицкая:

ЖИЗНЬ ЦВЕТНАЯ И ЧЕРНО-БЕЛАЯ

— Так ведь я сама была женщиной на войне. Окончила курсы медсестер и всю войну работала во фронтовом госпитале. Мне кажется, не будь войны, я бы и не стала актрисой. Мой отец был военным врачом, и моя судьба вроде бы была предрешена: пойду по папиным стопам. После войны — медтехникум. Во время учебы приняла участие в художественной самодеятельности, был успех, и я поведила, когда мне сказали, что я должна стать актрисой. Такова внешняя канва событий. Главное же было в другом. У меня не прошла жуткая психологическая установка от войны. Я не могла больше видеть боль и кровь. Мне хотелось чего-то чистого, светлого, и я решила поступать в театральный...

— А как родители отнеслись к вашему выбору?

— Это была трагедия. Когда все попытки переубедить меня ни к чему не привели, папа надел новую форму, и уже по тому, как он собирался, я поняла, что предстоит нечто экстраординарное. Мы с папой пришли в институт, и он сказал директору: «Объясните, пожалуйста, моей неразумной дочери, что ей здесь делать нечего». Я была потрясена... Пока доказывала родителям свой характер, время было упущено. Но через год я все равно исполнила свое намерение. Какое-то время родители мне не помогали, я подрабатывала в мимансах, масках и училась.

Родители простили меня, только когда увидели на сцене Вильнюсского театра в роли арбузовской Тани. Я их не пригласила на премьеру, но они тайком пришли в театр. Когда я вернулась домой, дверь мне открыла мама, в комнате стоял отец в гражданском костюме — такой красивый, кипел самовар...

Потом, когда родители жили на Камчатке, а я снялась в фильме «Неоконченная повесть», они целый месяц, каждый божий день, в любую погоду ходили в кино и соседней знакомых друзей водили...

— А потом была Аксинья...

— Да, потом была Аксинья. А вы знаете, я ведь на эту роль сама напросилась. Находясь в зарубежной поездке, узнала, что Герасимов готовится к съемкам «Тихого Дона». Я стала очень торопиться, подгонять время, боялась опоздать. В Москве прямо из аэропорта позвонила Сергею Аполлинариевичу и очень робко попросила дать мне пробу на роль Аксиньи. Он мне

говорит: приезжайте, у меня тут как раз один Григорий сидит...

Через какое-то время меня вызвали в Москву, и начались совершенно изнурительные, но потрясающе интересные пробы — с разными актерами, в разных сценах. А через полгода исполнителей утверждал сам Шолохов.

Вообще-то я не очень люблю

говорить об Аксинье. Она была в самом начале, и боюсь, я повторю судьбу Бабочкина (прошу прощения за столь нескромное сопоставление). Бабочкин был изумительный актер и режиссер. Я видела, как он работал, была допущена в его творческую лабораторию. Его работы в Малом и на телевидении были выдающимися, а в памяти зрителей он остался Чапаевым.

У актера должно быть много интересных, заметных ролей. Думаю, что я сейчас больше умею, больше понимаю, но мои возможности не имеют выхода.

— А вы не можете, как тогда, предложить себя на какую-нибудь роль?

— Господи, да я уже много лет только этим и занимаюсь! Весь ужас в том, что все меня понимают, все мне сочувствуют, и ничего не меняется. Помню, как я пробивала в министерстве и в театре «Без вины виноватые». Режиссер хотел ставить спектакль про маму и сына, а мне это было неинтересно. На мой взгляд, не имеет смысла повторять уже пройденный путь, нужно открывать образ каждый раз с неожиданной стороны. В искусстве все должно быть дважды два — пять. Иначе и работать не стоит. Судьба таланта, который приносит человеку радость, но и неисчислимы беды, — вот тема, которую мне хотелось раскрыть. В конце концов удалось «протащить» идею, но какой ценой! Однажды прямо с генеральной репетиции я надолго попала в больницу.

Эта история хотя бы благополучно завершилась. А сколько других моих замыслов убивалось сразу же, при первом обсуждении...

— Вы окружены признанием, почитанием, любовью не скольких поколений. Вы — на родной артистической сцене СССР, профессор. Неужели вас не защищают зрительская любовь, общественное признание, наконец?

— Пожалуй, даже наоборот. Эти обстоятельства дают в руки моих оппонентов неотразимый аргумент: «Элина Авраамовна, мы с вами не имеем права на проигрыш». Ну что я могу ответить на это? Один близкий мне пример. В. Андреев, будучи главным режиссером Малого театра, по-моему, ни разу не переступил черту риска. Но, к сожалению, нельзя сказать, что в это время театру сопутствовали слава и успех... Искусство — не беспроигрышная лотерея, оно давно тихо скончалось бы, если бы каждый раз художник не рисковал своей репутацией.

— Но все-таки любой творец в глубине души уверен в успехе. А вы уверены в себе?

— Человеку актерской профессии излишняя самоуверенность противопоказана, на мой взгляд. Но и избыток сомнений — во вред. Первой ролью на основной сцене Малого у меня была баронесса Штраль в «Маскараде». Волновалась я ужасно: первый раз стихи, первый раз классика, первый раз сцена, на которой выступала са-

— А Дарья Васильевна Зеркалова, блистательная актриса? Ей долго не давала роли, и когда она наконец вышла на сцену, играть уже не смогла — боялась. Таких актеров, не реализовавших себя в творчестве, великое множество. Театр не заинтересован в выращивании и поддержке таланта. Какие дивиденды приобретает руководи-

ма Ермолова! Я и так робела, а тут вдруг Игорь Владимирович Ильинский за несколько дней до генеральной репетиции разразился в журнале статьей по поводу кинозвезд, которые приходят в театр и ничего не умеют. Хотя имен он не назвал, было ясно, что адресованы упреки мне и Нифонтовой, которая уже блистательно сыграла в «Хожении по мукам».

На мое предложение как-то ответить на статью Нифонтова сказала: что тут отвечать, ты роль валишь, понимаешь? Я онемела, замкнулась и пошла вон из гримерной. У порога остановилась и спросила: «Ты считаешь, что можешь сыграть лучше?» «Не знаю, но думаю — да». И тут я отчеканила: «Я отдам роль не раньше, чем сама уверю в то, что не могу».

Это была чистая бравада. На самом деле я ранена была смертельно. Поделалась с режиссером, он стал меня успокаивать, но я уже любые доводы воспринимала, как дежурные утешения, чтобы не сорвать показ. Вот в таком сматнении я вышла на генеральную, а во время обсуждения все стали говорить, спектакль очень хороший, вот баронесса Штраль... Я была убеждена, что это правда, не отказалась от роли только тому, что у меня не было блера.

Думаю, по-настоящему я начала играть где-то на пятом или шестом спектакле. А потом услышала тишину в зале и поняла, что роль получилась. А потом мы повезли «Маскарад» в Ленинград, и была тьма лестных рецензий и отзывов...

Нельзя в актере развивать комплекс неполноценности. У меня характер в общем-то сильный, в другом случае роль баронессы Штраль могла бы стать последней.

— Сейчас вспомнила Изю... Савинову... Неизвестность таланта привела к трагическому концу.

тель, если в его коллективе звезда не меркнет в течение десятилетий? Да никаких. Если он свою ученицу продвинет на первые роли, так хоть моральное удовлетворение получит. Как говорится, своя рубашка ближе к телу.

Помню, как Пашенная ехала в машине и все возмущалась беспхозяйственностью. А наш шофер Степан Тимофеевич ей говорит: «Вера Николаевна, ну что ты все возмущаешься. От себя только курица гребет. Вот, гляди, машина снег убирает и то так делает...» и показал руками — как.

Наше искусство состоит из множества вот таких «снегоочистительных агрегатов». Так жить не только выгоднее, но и удобнее. Потому как, скажите, с кем работать предпочтительнее — с ершистым человеком или покладистым? А ершистыми бывают зачастую таланты, у которых дважды два — пять. За чем же портить себе здоровье, когда и так хорошо?

— Значит, ваши мечты о «цветной» жизни не оправдались?

— А вот тут вы не правы. Я мечтаю, каждую роль продумываю до мелочей, и в моем воображении — все светло, чисто, красиво. У меня есть своя теория. Я считаю, что каждый час, проведенный на сцене, отсчитывает время, которое молодит, продлевает жизнь. Артист на подмостках, как правило, не умирает, а если это случилось, то только потому, что его подкосила та самая черно-белая жизнь. Я сейчас мало играю. В театре новых ролей нет. Правда, только что снялась в фильме Расима Оджагова по сценарию Рустама Ибрагимбекова «Десять дней после убийства». Порою кажется: если у меня будет много-много ролей, я буду жить вечно...

Беседу вела Т. КУЛИКОВА.
Фото Н. ПРИВАЛОВА.